

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 6 (96) 2010

ТОМСК
2010

Главный редактор:

В. В. Обухов, доктор физико-математических наук, профессор

Редакционная коллегия:

- К. Е. Осетрин, доктор физико-математических наук, профессор (зам. главного редактора);
Н. С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор;
И. Л. Бухбиндер, доктор физико-математических наук, профессор, засл. деятель науки РФ;
В. В. Быконя, доктор филологических наук, профессор;
В. Е. Головчинер, доктор филологических наук, профессор;
В. А. Дмитриенко, доктор философских наук, профессор, засл. деятель науки РФ;
В. Н. Долгин, доктор биологических наук, старший научный сотрудник;
Л. И. Инишева, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, чл.-корр. РАСХН;
С. В. Ковалёва, доктор химических наук, профессор;
А. Д. Копытов, доктор педагогических наук, профессор;
Ю. В. Куперт, доктор исторических наук, профессор;
В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, засл. деятель науки РФ;
И. В. Мелик-Гайказян, доктор философских наук, профессор;
Э. И. Мещерякова, доктор психологических наук, профессор;
С. Д. Одинцов, доктор физико-математических наук, профессор;
Л. М. Плетнёва, доктор исторических наук, старший научный сотрудник;
С. И. Поздеева, доктор педагогических наук, доцент;
В. И. Ревякина, доктор педагогических наук, профессор;
М. А. Хатямова, доктор филологических наук, доцент*

Научный редактор выпуска:

Н. С. Болотнова

Учредитель:

ГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет»

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская обл., Россия, 634061. Тел.: (3822) 52-17-58

Адрес редакции:

ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская обл., Россия, 634061.
Тел.: (3822) 52-17-94, факс: 52-17-93. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ТГПУ:

ул. Герцена, 49, г. Томск, Томская обл., Россия, 634061. Тел.: (3822) 52-12-93

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерство РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
ПИ № 77-9487 от 20 июля 2001 г.

Подписано в печать: 25.06.2010 г. Сдано в печать: 22.06.2010 г. Формат: 60×90/8 Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 12,5. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 541/Н

Выпускающий редактор: Л. В. Домбраускайте. Компьютерная верстка: В. В. Кругликов. Корректор: Н. В. Богданова

© ГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет» (ТГПУ), 2010. Все права защищены.

СОДЕРЖАНИЕ

ÀÈÒÁÈÛÍ ÛÁ ÌÐÍÁËÀ Ì Û ÐÓÑÈÑÒÈÈÈ

Щитова О. Г. Функциональная эквивалентность досибирских заимствований в деловой письменности XVII века	5
Савенко А. С. Мотивационно-сопоставительный анализ орнитонимов в русском, английском и французском языках	11
Самсонова Е. С. Функционирование иноязычных средств в эргонимии	16
Ефанова Л. Г. Категория нормы как объект лингвистического исследования	21
Фельде О. В. Лик постсоветской России в зеркале прозвищ	25
Зырянова М. Н. Особенности реализации концепта «творец» в идиостиле Пригова	29

È Ì Ì Í Ó Í ÈÈÀÒÈÁ ÍÀ ÑÒÈÈÈÑÒÈÈÈÀ ÒÁÈÑÒÀ

Болотнова Н. С. Использование эксперимента в исследованиях по коммуникативной стилистике текста	33
Петрова Н. Г. К вопросу о статусе лексического повтора в поэтическом дискурсе с позиций теории регулятивности	39
Громова А. В. Выразительный потенциал имен прилагательных в атрибутивных регулятивных структурах эпитетного типа (на материале поэзии М. И. Цветаевой)	46
Кочетова И. В. Особенности функционирования регулятивных структур колоративного типа в лирике И. Северянина	50
Карепина Л. С. Типы выдвижения как способ репрезентации образа адресата в ранней лирике А. Ахматовой	54
Болотнов А. В. О методике дискурсивного анализа художественного концепта на основе текстовых ассоциатов	58
Тюкова И. Н. Концептуальная пара «любовь» – «боль» в лирических миниатюрах «Затеси» В. П. Астафьева	64
Ткаченко И. Г. Авторская концептосфера сказочного мира Новалиса	68
Становкин П. А. Заглавия-интертексты в сборниках О. Э. Мандельштама «Камень», «Tristia», «Стихи 1921–1920-х годов», «Новые стихи» (1930–1937)	73
Орлова О. В. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта	78
Курьянович А. В. «Фигура умолчания» в системе функциональной стилистики: к вопросу определения стилистического статуса эпистолярия	84
Щитова Н. В. К вопросу об отражении когнитивного уровня языковой личности М. И. Цветаевой в письмах к Б. Л. Пастернаку и Р. М. Рильке	89

ÍÀØÈÀÀÒÍÐÛ	95
------------------	----

AUTHORS	97
---------------	----

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF RUSSIAN PHYLOLOGY

<i>Shchitova O. G.</i> Functional Equivalence of Pre-Siberian Borrowings in the Business Written Language of the XVII Century	5
<i>Savenko A. S.</i> Motivological Comparative Analysis of Ornithonims in the Russian, English and French Languages	11
<i>Samsonova E. S.</i> Foreign Language Means Functioning in Tomsk Nominations: Basic Tendencies	16
<i>Efanova L. G.</i> The Category of Norm as an Linguistic Object	21
<i>Felde O. V.</i> The Image of Post-Soviet Russia as Mirrored by the Nicknames	25
<i>Zyryanova M. N.</i> Peculiarities of «Creator» Concept Realization in Prigov's Idiostyle	29

COMMUNICATIVE STYLE OF THE TEXT

<i>Bolotnova N. S.</i> Use of Experiment in Researches under Communicative Stylistics of Text	33
<i>Petrova N. G.</i> To the Problem of the Status of the Lexical Repetition in the Poetic Discourse from the Position of the Theory of Regulativity	39
<i>Gromova A. V.</i> The Expressive Potential of Adjectives in Attributive Regulative Structures Epithets Type (Based on the Material of Lyrics of M. I. Tsvetaeva)	46
<i>Kochetova I. V.</i> Features of Functioning Regulative Structures Color Type in a Poetry of I. Severyanin	50
<i>Karepina L. S.</i> Types of Moving-out as the Way of Representation of Addressee Image in Akhmatova's Early Lyric Poetry	54
<i>Bolotnov A. V.</i> Method of Discursive Analysis of Fiction Concept on the Basis of Textual Associates	58
<i>Tyukova I. N.</i> Conceptual Pair «Love» – «Pain» in Lyric Miniatures «Zatesi» by V. P. Astafyev	64
<i>Tkachenko I. G.</i> The author's sphere of concepts of Novalis' fantastic world	68
<i>Stanovkin P. A.</i> Title-Intertexts in O. E. Mandelstam's Collections «Stone», «Tristia», «Poems of 1920–1925s», «New Poems» (1930–1937)	73
<i>Orlova O. V.</i> The Life Cycle and World Modeling Potential of Media Concept	78
<i>Kuryanovich A. V.</i> A Figure of Default» in System of Functional Stylistics: to a Question of Definition of the Stylistic Status the Letters	84
<i>Schitova N. V.</i> On the Problem of V. I. Tsvetayeva Language Personality Cognitive Level in her Letters to B. L. Pasternak and R. M. Rilke	89
AUTHORS(in Russian)	95
AUTHORS(in English)	97

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

УДК 811.161.1'282.2'373(571.1)

О. Г. Щитова

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ДОСИБИРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII ВЕКА

В статье исследуется функциональная эквивалентность заимствований в документах XVII в. в аспекте функциональной ассимиляции в языке-реципиенте. Разграничена безэквивалентная и эквивалентная лексика. Типология отношений между иноязычными словами и их эквивалентами соотнесена с анализом неисконной лексики с точки зрения особенностей номинации. Определена роль данных характеристик иноязычных слов в процессе их ассимиляции в принимающем языковом континууме.

Ключевые слова: функциональная эквивалентность, историческая лексикология, диалектология, заимствование, иноязычная лексика, среднеобские говоры, деловая письменность XVII в.

Одним из аспектов анализа функционирования неисконной лексики в текстах старорусских деловых документов является исследование ее функциональной эквивалентности – способности данных номинаций употребляться в речи на месте других единиц лексико-семантической системы данного языкового континуума. Данный подход позволяет обнаружить внутриязыковые причины закрепления заимствованных единиц в лексико-семантической сфере языка-реципиента, решить проблему целесообразности или избыточности тех или иных иноязычных номинаций. **Если для иноязычной новации существует номинативная лакуна в системе принимающего языка, то имеются условия для ее ассимиляции, так как данный неологизм не является избыточным.** Термин *лакуна*, впервые введенный канадскими лингвистами Ж. П. Вине и Ж. Дарбельне, определяется ими как «явление, которое имеет место всякий раз, когда слово одного языка не имеет соответствия в другом языке» (цит. по [1, с. 50]). «Если слово А в данном контексте обозначает то, что обозначено... уже словом Б, ... то оно не оправдывает свою денотативную функцию и употребляется избыточно с точки зрения описания ситуации» [2, с. 89].

«Функциональными эквивалентами являются такие слова, которые способны выполнять одну и ту же функцию в рамках одного и того же или одних и тех же предложений» [3, с. 123]. Адекватность функций может быть установлена с помощью коммуникативной проверки, которая осуществляется путем нахождения в памятниках деловой письменности XVII в. таких контекстов, которые бы подтверждали возможность взаимозамены слов.

Целью работы является анализ наличия/отсутствия по отношению к неисконным номинациям конкури-

рующих единиц в системе принимающего языкового континуума.

С точки зрения наличия или отсутствия в лексической системе русского языка эквивалентных наименований для лексических единиц иноязычного происхождения можно выделить безэквивалентные и эквивалентные, первичные и вторичные номинации. Проблема эквивалентности решается в семиотике с учетом синтагматических и парадигматических отношений [4, с. 122–124]. Разграничение безэквивалентных и эквивалентных неисконных наименований осуществляется нами прежде всего по *синтагматическим* основаниям, с точки зрения особенностей их функционирования в речи (тексте) – с позиции их взаимозаменяемости в одном и том же контексте без изменения смысла целого. Данный подход сопряжен с вниманием к *парадигматическим* характеристикам неисконных лексем и их эквивалентов в сигнификативном, прагматическом и денотативном аспектах.

1. К **безэквивалентным** наименованиям среди иноязычной лексики мы относим такие слова, которые не имеют в текстах письменных памятников XVII в. функциональных эквивалентов.

Необходимость разграничения первичных и вторичных номинаций среди неисконной лексики связана с тем, что первичные номинации обладают большей жизнеспособностью и легче усваиваются в системе принимающего языка. Квалификация иноязычных лексем как первичных или вторичных номинаций производится в денотативном аспекте. Под **первичными номинациями** мы понимаем единицы, для которых в языке не существует дублетов, исконно русских или ранее заимствованных [3, с. 146], имеющих идентичную денотативную соотнесенность. Первичные номинации служат для наименования ре-

алий, ранее неизвестных и/или не имевших названий в языке. Все безэквивалентные наименования являются первичными номинациями: *аманат, каир, камыс, кыс, морж, мурь(я)* ‘отверстие для дыма в юртах аборигенов’; *нашатырь, олифа, парус, тиски, чувал* ‘очаг, примитивная печь, сооружаемая в юртах аборигенов’; *верблюды, полковник, пуд, рейтар, ротмистр, купорос, нашатырь, селитра, скипидар* ‘скипидар’ и др. **Вторичные номинации** именуют уже обозначенные ранее предметы и явления, денотативный компонент их лексического значения находится в отношении тождества с денотативным смыслом исконных или заимствованных в предыдущее время слов. Вторичные номинации и их эквиваленты имеют идентичную денотативную соотнесенность, или одно и то же денотативное значение является интегральным компонентом их лексического значения.

Безэквивалентные заимствования, являясь первичными номинациями, служащими для наименования новых актуальных предметов и явлений, не испытывают конкуренции со стороны иных лексем принимающего языкового континуума, что облегчает процесс их ассимиляции в языке-реципиенте. Абсолютное большинство единиц данной группы было заимствовано русским языком и сохранилось вплоть до XIX–XXI вв. в русском литературном языке и его говорах.

2. **Эквивалентные** иноязычные наименования составляют слова, по отношению к которым в языке-реципиенте существуют функциональные эквиваленты, исконно русские или ранее заимствованные, способные выполнять аналогичную семантическую функцию в речи (тексте). Аналогичность семантической функции слов в определенном тексте понимается как их соотнесенность с одним и тем же денотатом в пределах данного текста.

Среди эквивалентных наименований центральное место занимают **вторичные номинации**, которые именуют уже обозначенные ранее в языке реалии и понятия. Вторичные номинации имеют аналоги в языке-реципиенте и вступают с эквивалентными словами принимающего языка, исконными или заимствованными в предыдущее время, в *дублетные* отношения или имеют тождественное им денотативное значение.

Эквивалентные неисконные наименования вступают с другими языковыми единицами в отношения контекстуальной синонимии (соотносясь с одним и тем же денотатом в пределах определенного текста). Поэтому в качестве эквивалентов иноязычных лексем могут выступать не только абсолютные синонимы, но и идеографические, а также ареальные и коннотативные. *Идеографические* синонимы дифференцируются объемом понятийного компонента лексического значения, ареальные синонимы характеризуются разной территорией употребления, коннотативные – наличием или отсутствием коннотации. К синонимам смешанного типа относятся ареально-семантические, семантико-коннотативные и ареально-коннотативно-

семантические. Неисконные номинации и их функциональные эквиваленты, находящиеся с ними в отношениях идеографической синонимии, имеют уникальную денотативную семантику и соотносятся с разными предметами и явлениями неязыковой действительности, поэтому такие эквивалентные наименования являются **первичными номинациями**, не имеющими дублетов.

Иноязычные слова, отличающиеся от своих эквивалентов – *ареальных* синонимов – лишь территорией употребления при тождестве обозначаемого понятия, относятся к **вторичным** номинациям. Если же ареальные особенности слов сопровождаются семантическими различиями, то в этом случае вследствие разной денотативной соотнесенности функционального эквивалента и иноязычной номинации последняя квалифицируется как **первичная**.

Заимствования, встретившиеся в системе принимающего языкового континуума с функциональными эквивалентами, отличающимися от них *коннотативным* компонентом лексического значения при тождестве денотативного, на наш взгляд, получают статус **вторичной** номинации.

«Понятие функциональной эквивалентности гораздо шире категории абсолютных синонимов, которые представляют собой один из видов словесных оппозиций тождества на уровне слов-ониматем. Более широкое понимание синонимии как функциональной эквивалентности слов ориентировано на слова-синтагмы, функционирующие в предложении» [3, с. 123].

Проблема сочетания речевого и языкового значения иноязычных слов, функционирующих в томских деловых документах XVII в., остро встает при определении типа синонимичности неисконной единицы и ее эквивалента. По мнению В. Г. Гака, «семантическая структура слова определяется как элемент лексической системы в языке, а не в речи, не в конкретной реализации. Однако если мы хотим постичь не только структуру, но и функционирование языкового знака, мы должны принимать во внимание все три стороны известного семантического треугольника, показывающего отношения между означающим, означаемым, или сигнификатом (понятие, выражаемое в слове), и обозначаемым, или денотатом (предмет, экстралингвистический элемент, на который указывает слово)» [5, с. 78].

В процессе исследования функциональной эквивалентности иноязычных слов в формирующейся системе среднеобского языкового континуума привлекает внимание не только реализованная в речи (тексте) эквивалентность, но и ее потенциальная возможность. В этой связи используются оба аспекта анализа: на основании актуального значения (речевого значения) неисконной лексемы выводится ее языковое значение (семантическая структура слова), которое проверяется по лексикографическим и иным источ-

никам. В данной ситуации особую значимость приобретает именно речевое значение, так как при его реализации на первый план выступает отношение означающего (знака, слова) к обозначаемому (денотату), «точнее, отношение *означающего сигнификат* к денотату» [5, с. 7], а также возможность/невозможность для данного означаемого (денотата) найти иное словесное выражение из числа слов, имеющих в языке, кроме слова (знака) иноязычного происхождения.

В томских деловых документах XVII в. возможны следующие типы отношений иноязычных наименований и их функциональных эквивалентов: абсолютная синонимия, идеографическая синонимия, гипонимия, ареальная синонимия, коннотативная синонимия, комбинированная синонимия (ареально-семантическая, коннотативно-семантическая, ареально-коннотативно-семантическая). Обратимся к анализу в данном аспекте досибирских заимствований в томских деловых документах XVII в.

2.1. *Отношения абсолютной, полной синонимии* наблюдаются в случае идентичности лексического значения, сферы употребления и стилистической окраски анализируемых единиц – неисконной номинации и ее исконно русского или ранее заимствованного соответствия.

Иноязычные слова, являющиеся вторичными номинациями, легче всего могут быть заменены в контексте эквивалентами, если вступают с ними в дублетные отношения, т. е. являются абсолютными [6], номинативными [6; 3], полными [7; 8] синонимами по отношению к исконным или ранее заимствованным единицам, и «семантическое расстояние» между ними равно нулю. «Существование абсолютных синонимов... противоречит принципам построения знаковых систем, тем не менее такие номинативные эквиваленты имеются во всех языках, в том числе и в русском» [3, с. 62]. Иноязычная лексика является внешним источником дублетности. В этом состоит причина возможного сокращения сферы употребления или полного исчезновения одного из абсолютных синонимов (таких иноязычных новаций) из языковой системы. Дальнейшая семантическая и/или стилистическая дифференциация дублетных наименований является одним из путей преодоления дублетности в языке, что приводит к ассимиляции иноязычных слов в языке-реципиенте.

В отношениях дублетности находятся единичные досибирские заимствования и их эквиваленты: *караул* – *сторбжа*, *царь* – *государь*, *школа* – *дурно*.

КАРАУЛ – СТОРОЖА. Досибирский тюркизм *караул* выступает в качестве полного функционального эквивалента по отношению к исконно русскому *сторожа*. В пользу данного утверждения можно привести следующие доводы: а) употребление заимствования в тексте в качестве абсолютного синонима в ситуации избыточности информации, характерной для деловых документов XVII в., о которой говорят ис-

следователи памятников и иных территорий, например: «В ПП (пермских памятниках – О. Щ.), как и в других русских деловых текстах XVII в., наблюдается избыточность информации» [9, с. 42] для усиления смысла: «Из того, государь, числа по твоему государеву указу посылаютца на *сторожи*, на отъезжие *караулы* и в проезжие станицы всяких чинов служилых людей конных человек по семидесят», Томск, 1674 г. [10, с. 273]; б) идентичность денотативной семантики: *сторожа* ‘сторожевой отряд’ – *караул* ‘вооруженная охрана, стража’; заимствование *караул* также обозначает отряд (т. е. совокупность) людей, например в пятьдесят человек, несущих сторожевую охрану: «И на город, и на острог караулы караулим по вся дни в местех в пяти члвку по пяти по десяти», Томск, 1636 г. [10, с. 93]; причем данные номинации не дифференцируются оттенком значения, связанным с количественным составом отряда: в контексте (а) идет речь о равноколичественных отрядах, посылаемых на *сторожи* и на *караулы*; в) вывод об абсолютной функциональной эквивалентности выделенных обозначений стражи вытекает также из *анализа сочетаемости* слов *караул* и *сторожа*: их полную эквивалентность подтверждает наличие в томских говорах устойчивых словосочетаний данных лексем с одним и тем же словом *отъезжей караул* и *отъезжая сторожа*: «стоят... на отъезжих... караулах», 1646 г. – «живут в отъезжих сторожах», 1635 г. [10, с. 93, 273]; на наш взгляд, оба контекста имеют идентичное значение – ‘выполняют в течение длительного времени охранную службу вдали от города’, и в них возможна взаимозамена слов, ср.: *стоять на сторожи (сторожею)* ‘стоять на карауле’ [11, с. 150]; г) нет оснований предполагать семантическую дифференциацию названных номинаций по признаку ‘пеший’ – ‘конный’. В [10] словосочетание *отъезжая сторожа* определяется как ‘конный отряд’, однако семантический компонент ‘конный’ связан со словом *отъезжая*, поскольку в его отсутствие слово *сторожа* определяет цельное словосочетание *пешая служба* (является несогласованным определением по отношению к цельному словосочетанию *пешая служба*): «Прослужил сначала в конной службе лет 40 и верстан в *пешую службу по сторожи*», Томск, 1671 г. [10, с. 273]. Дальнейшая история конкуренции слов *караул* и *сторожа* связана с вытеснением заимствованной единицей исконно русского слова и сохранением тюркизма в составе литературной разновидности современного русского языка.

Таким образом, ситуация дублетности должна быть преодолена. И каждый новый тип отношений между неисконной лексемой и ее эквивалентом является одним из путей преодоления дублетности и предпосылкой для освоения иноязычного неологизма принимающим языком и дальнейшей «жизнеспособности» заимствованного наименования.

2.2. Отношения идеографической синонимии между лексемой иноязычного происхождения и ее функциональным эквивалентом, когда их семантика оказывается не тождественной, а близкой. Неполные, неточные синонимы, квазисинонимы «могут различаться нюансами значения, по стилю, по ситуациям, в которых они употребляются, и другими признаками» [8, с. 171]. Идеографические, семантические синонимы – «близкие по значению слова (ЛСВ) представляют собой лишь “потенциальную синонимию”, которая может как реализоваться, так и не реализоваться в речи и в последнем случае может так и не стать языковой синонимией. Действительно, синонимия имеет место тогда, когда тождественные или близкие по значению слова одной и той же части речи так или иначе замещают друг друга с определенной целью в одинаковых позициях» [6, с. 226, 229].

Функциональная эквивалентность наблюдается у идеографических синонимов, причем новозаимствованная лексема может уточнять значение своего функционального эквивалента. Лексическое значение иноязычной номинации чаще всего является более специальным по сравнению с лексическим значением исконно русского или ранее заимствованного соответствия. Это может быть объяснено тем, что специализация, уточнение семантики уже имеющегося в языке понятия – одна из внутриязыковых причин заимствования. В то же время заимствование является одним из средств «терминологизации речи» (С. И. Ожегов) [12, с. 32]. Приведем пример.

ЗБРУЯ – НАРЯД. Польское заимствование XV в. *збруя*, функционирующее в томских деловых документах XVII в. в значениях ‘воинское снаряжение’ и ‘снаряжение для запряжки лошадей’, является идеографическим синонимом исконно русского слова *наряд*. Последняя лексема функционировала в материнских говорах европейской части Московской Руси в шестнадцати значениях, одним из которых было ‘оснащение, снаряжение, вооружение’, понимаемое как процесс по глаголу *наряжаться* ‘снаряжаться, вооружаться’: «Наряжаетца он, Ладжан Алтынов сын, идти под Томской город войною», Томск, 1657 г. [10, с. 139]. Наиболее близок по семантике полонизму *збруя* лексико-семантический вариант слова *наряд* ‘устанавливаемый для какого-л. случая набор вещей и принадлежностей’, семантическая конкретизация которого репрезентирована в устойчивых словосочетаниях *наряд воинский*, *ратный* ‘военное снаряжение’ (в отличие от *наряда путного*, *служебного*, *книжного* и т. д.), и далее – *городовой наряд* ‘крепостная артиллерия’, *огненный наряд* ‘огнестрельное оружие’, *полковой наряд* ‘полевые орудия’, *полуторный наряд* ‘полуторные пищали’ и под. [13, т. 10, с. 227–230]. Очевидно, что полонизм *збруя* ‘воинское снаряжение’ образует с исконно русским *наряд* словесную оппозицию с отношениями включения, конкретизируя одно из значений исконной единицы.

В русской речи как в метрополии, так и на периферии Московского государства существовала возможность абсолютной функциональной эквивалентности словосочетаний *воинская збруя – воинский наряд*, *ратная збруя – ратный наряд*. Данная ситуация дублетности в русском языке и сибирских говорах была преодолена путем семантической дифференциации слов *збруя* и *наряд*.

У полонизма *збруя* с середины XVII в. появилось значение ‘конская упряжь’ [14, с. 47], не свойственное слову *наряд*. Свидетельство Г. К. Котошихина подтверждается также материалами томских рукописей: «А взяти б у него Мелентья за тѢ твои гдрвы пенные денги конскою збруею и ожерели», Томск, 1646 г. (15, стб. 251, л. 83). Дальнейшая история полонизма в русском литературном языке и среднеобских говорах связана с постепенным затуханием употребления первого лексико-семантического варианта – *збруя* ‘воинское снаряжение’. На современном этапе развития русского языка значение заимствования *збруя* ‘конская упряжь, предметы и принадлежности для запряжки и седлания лошади’ стало единственным в говорах Среднего Приобья и основным в современном русском литературном языке.

Таким образом, наблюдения над функциональной эквивалентностью иноязычной лексики позволило выявить один из путей преодоления дублетности в языке – семантическую дифференциацию языковых единиц. Данный путь приобретает статус закономерности, поскольку дает сходные результаты на крайне отдаленных территориях распространения языка.

2.3. При *ареальной (локальной) дифференциации* синонимов-эквивалентов неисконные номинации и их аналоги имеют разную сферу употребления: ограниченную или неограниченную. При этом один из членов оппозиции может быть локально (территориально) ограниченной лексемой, а другой – общерусской: *шлях* – дорога, *арака* – водка и др.

ШЛЯХ – ДОРОГА. В томской деловой письменности XVII в. отмечен полонизм немецкого происхождения *шлях* ‘проезжая дорога’, заимствованный в русский язык в конце XVI в. Приведем отрывок из отписки томских воевод: «И после тово сказывали нам ясачных волостей люди, что они после побою ходили шляхом их, и от побойного места верстех в 10 и в 20-ти и больши находят многих людей мертвых», Томск, 1629 г. [16, с. 361]. По данным Картолки Словаря русского языка XI–XVII вв. (КСлРЯ XI–XVII вв.), это слово встречается в памятниках, отражающих южновеликорусское и средневеликорусское наречие (воронежские, курские, харьковские, донские; московские, астраханские), а также территорий, связанных с польскими поселенцами (томские, якутские). В севернорусских памятниках XVII в. название проезжей дороги *шлях* не отмечено (подробнее об этом см. [17, с. 279–281]). Следовательно, можно сделать вывод о локально ограниченном ха-

рактуре заимствования *шлях*. В эквивалентные отношения с ним вступает общерусское *дорога*, совпадающее со словом *шлях* в одном из своих лексико-семантических вариантов – ‘ проезжий путь ’. Сходство семантики лексем *шлях* и *дорога* находит подтверждение и в том, что обе лексические единицы способны входить в состав топонимических сочетаний, в которых анализируемые функциональные эквиваленты имеют значение ‘наезженный путь’: *Бакаев шлях*, *Муравской шлях*, *Армянская дорога* и др. О способности заимствования формировать отношения функциональной эквивалентности с исконно русским словом свидетельствуют случаи, когда эти языковые единицы выступают в письменных документах как контекстуальные (ситуативные) синонимы: «Указали мы, Великий Государь, послать из Азова на Миюсь к миюскому осаднику к Никите Тополскому на дачю Нашего ... жалования новопризваннымъ ево казаком, которые знают дороги и шляхи, которыми ходить неприятельские люди», 1698 г. – КСлРЯ XI–XVII вв.

На основании изложенного можно считать заимствование *шлях* вторичной номинацией, которая не выдержала конкуренции с исконно русским *дорога*, имеющим общерусское употребление. Эта закономерность, заключающаяся в том, что вторичные номинации являются менее жизнеспособными по сравнению с первичными, была поддержана тем, что полонизм *шлях* имел в XVII в. ограниченную территорию употребления, это регионализм. В современных среднеобских говорах и в литературной разновидности русского языка полонизм германского происхождения *шлях* не употребляется, он вытеснен словами *дорога*, *тракт*.

Наличие в томских деловых документах XVII в. заимствованных вторичных номинаций, имеющих идентичную семантику и разную территориальную маркированность, обусловлено тем, что в Сибирь прибывали поселенцы из разных территорий Московского государства.

2.4. Дифференциация неисконной номинации и ее эквивалента по эмотивно-экспрессивной окраске. Семантически дублетная своему эквиваленту иноязычная новация легче ассимилируется в принимающем языке, если одно из слов нейтрально, а другое наделено эмотивной коннотацией.

ЧАЛБЫШ – ОСЕТРИК. Неисконная номинация *чалбыш* ‘молодой осетр’ заимствована в русский язык в досибирский период. В текстах томских деловых документов XVII в. в качестве функционального эквивалента по отношению к нему выступает собственно русское *осетрик*, образованное на базе общеславянского *осетр*: «Июня в 30 день жилецкому человеку Ивашку Каменному за осетрик за чалбыш 6 алтын четыре деньги, да целовалнику Бориску Тупылеву за осетрину ж три алтына четыре деньги дано. Взята рыба ячинским ясачным людям на корм, как государю вину

свою принесли», Томск, 1630–1631 гг. [18, с. 108]. В данной оппозиции стилистически нейтральным является заимствование *чалбыш*, а его функциональный эквивалент *осетрик*, имеющий в своем морфемном составе уменьшительно-ласкательный суффикс *-ик-*, отличается эмотивно-экспрессивной окрашенностью.

2.5. Между неисконной номинацией и ее функциональным эквивалентом возможны отношения синонимии *смешанного типа*. В данном случае различия в ареальной (территориальной) и/или эмотивной характеристике сопоставляемых лексем сопровождаются их семантической дифференциацией (частичным несовпадением элементов их смысловой структуры).

БИСЯГА – ПОКРЫВАЛО. В томских деловых документах зафиксировано досибирское заимствование (XVI в.) *бисяга* ‘попона под вьюки’: «Половинка сука на кострыжу пять чекменей сермяжных срядных дватцать попон бисягъ пятнадцатеры рукавицы», Томск, 1657 г. (15, кн. 359, л. 11). Данное ненецкое заимствование имеет в XVII в. на материнской территории ареал распространения, ограниченный северновеликорусским наречием [19, с. 129]. По семантике слово *бисяга* коррелирует с общерусской лексемой *покрывало*, объединяясь с ним интегральным компонентом сигнификативного значения ‘то, чем покрывают кого-либо, что-либо’ [13, т. 16, с. 182], и дифференцируется с общерусским словом по семантике, образуя с ним привативную словесную оппозицию, обладая уточняющими компонентами лексического значения: *бисяга* – ‘(покрывало) для животных под вьюки’. Кроме того, заимствование обладает потенциальными семами ‘сделано из шкур или сукна’ [19, с. 129]. Следовательно, заимствование *бисяга* и его функциональный эквивалент *покрывало* квалифицируются как ареально-семантические синонимы.

Поскольку подобные заимствования отличаются от своих функциональных эквивалентов денотативной отнесенностью, неисконные языковые единицы данного типа получают статус первичных номинаций.

Итак, анализ функциональной эквивалентности номинаций неисконного происхождения позволил выявить типологию отношений иноязычных слов и их аналогов (функциональных эквивалентов), а также представить неисконную лексику каждого типа с точки зрения особенностей номинации (как первичные или вторичные номинации): 1) безэквивалентные наименования – первичные номинации; 2) эквивалентные наименования: синонимы абсолютные (дублеты) – вторичные номинации, синонимы идеографические – первичные номинации, гипонимы – первичные номинации, синонимы локально (ареально) дифференцированные – вторичные номинации, синонимы эмотивно-экспрессивные (коннотативные) – вторичные номинации, синонимы смешанного типа, или комбинированные (ареально-семантические, коннотативно-семантические, ареально-коннотативно-семантические) – первичные номинации.

В итоге можно заключить, что бóльшая часть неисконных номинаций, функционирующих в томских деловых документах XVII в., не вступает в дублетные отношения с исконными или ранее заимствованными единицами принимающего языка и, следовательно, заполняя определенные лакуны в лексико-семантической системе сибирского говора, не является избыточными («лишними») языковыми средствами, что оказывается фактором, обеспечивающим интенсивность процесса ассимиляции заимствований. Тот

факт, что большинство заимствований образует привативные семантические оппозиции со своими функциональными эквивалентами, уточняя их значение, говорит об общей тенденции к терминологизации речи и – шире – тенденции к семантико-парадигматической регулярности, определяющейся потребностью дифференциации номинативных средств русского языка в XVII в., в начальный период формирования русского национального языка.

Ñîëñîê èèòàðàòóóû

1. Васильев А. Д., Веренич Т. К. Динамика деззотизации заимствований в научно-лингвистическом и обыденном языковом сознании (на материале англицизмов в современном русском языке). Красноярск, 2005. 248 с.
2. Гак В. Г. Пределы семантической эволюции слов // Русский язык сегодня. Вып. 2. М., 2003. С. 88–97.
3. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989. 216 с.
4. Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. М., 1998. 784 с.
5. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971. С. 78–96.
6. Новиков Л. А. Семантика русского языка: учеб. пособие. М., 1982. 272 с.
7. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1995. Т. 1. 472 с.
8. Кронгауз М. А. Семантика. М., 2001. 399 с.
9. Полякова Е. Н. Региональная лексикология и ономастика: материалы для самостоятельной работы : учеб. пособие. Пермь, 2006. 256 с.
10. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск, 2002. 336 с.
11. Панин Л. Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск, 1991. 181 с.
12. Шмелев Д. Н. Введение // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 3–44.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1986–2008.
14. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. XXVI с. 216 с.
15. Российский государственный архив древних актов, фонд 214 «Сибирский приказ» (г. Москва); стб. = столбец, кн. = книга, л. = лист.
16. Миллер Г. Ф. История Сибири. М., Л., 1941. Т. 2. 637 с.
17. Щитова О. Г. Неисконная лексика в разговорной речи Среднего Приобья XVII в.: монография. Томск, 2008. 480 с.
18. Первое столетие освоения Сибири русскими. Новые документы. Собрание сибирских грамот XVII – начала XVIII века в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета / Сост. В. А. Есипова, Г. Н. Старикова. Томск, 1999. 155 с.
19. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., Новосибирск, 2000. 768 с.

Щитова О. Г., доктор филологических наук, профессор.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

E-mail: shchitova@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 17.05.2010

O. G. Shchitova

FUNCTIONAL EQUIVALENCE OF PRE-SIBERIAN BORROWINGS IN THE BUSINESS WRITTEN LANGUAGE OF THE XVII CENTURY

The article is devoted to the functional equivalence of the borrowings in the business written language of the XVII century in terms of functional assimilation in the recipient language. The author distinguishes equivalent and unequivalent vocabulary. The work contains both the typology of the relationships between foreign words and their equivalents and the simultaneous analysis of borrowed vocabulary in terms of nomination features. The author defines the role of these characteristics of the borrowed words in the process of their assimilation in the recipient language continuum.

Key words: *functional equivalence, historical lexicology, dialectology, borrowing, foreign vocabulary, Middle-Ob dialects, business written language of the XVII c.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Tomskaya oblast, Russia, 634061.

E-mail: shchitova@sibmail.com